

СОХА И МОЛОТ

**Вся власть Крестьянам и Рабочим
в лице их Советов.**

О Б Ъ Я В Л Е Н И Я.

Бежавшими жителями гор. Минусинска было оставлено много имущества: сельско-хозяйственные и другие машины, домашняя утварь, скот фураж, и пр. Минусинский гор. Совет Рабочих депутатов предлагает гражданам гор. Минусинска немедленно сообщить Городскому Совету сведения об имуществе лиц, бежавших из города, с указанием улицы и дома, где находится брошенное имущество.

1-1

Город. Совет Рабочих Депутатов.

Ввиду того, что мирное население гор. Минусинска отпускает товарищам солдатам Крестьянской Армии спиртные напитки за плату и бесплатно, предлагаю мирному населению никаких спиртных напитков, как за деньги, так и бесплатно, товарищам солдатам не отпускать, памятуя что за неисполнение сего виновные будут привлечены к суду.

Военный комендант Есензов.

1 1

Секретарь Юрьев.

Прошу выслать списки у кого сколько мобилизовано лошадей по распискам, и без расписок, крестьянской армией. А также указать, у кого сколько имеется лошадей, считая от 4-х до 15 лет.

Мобилизационно-конфискационный

Отдел Армейского Совета.

Главный Штаб Крестьянской Армии доводит до сведения, что казакам, перешедшим к нам и сдавшим оружие, Штаб гарантирует неприкосновенность личности.

Главный Штаб

Крестьянской Армии.

К учащим Минусинского уезда находящимся в городе.

Отдел Народного Образования при Минусинском Совдепе просит товарищей учащихся пожаловать в Отдел для регистрации с 7 по 10 октября н. ст.

Председатель Об.единенного Совета

Кр. Раб. и Арм. депутатов В. Солдатов.

Распоряжение Главного Штаба кр. Армии.

Не смотря на неоднократные воззвания и приказы, т. т. солдаты продолжают производить беспорядки и злоупотреблять частным именем нашей армии. Замечается ненужная езда на лошадях, езда по тротуарам и проч. В пьяном и трезвом виде т. т. солдаты Кр. Армии не умеют вести себя, как на улице так и в учреждениях, а равно и в увесилительных местах что вносит разлад в нашу армию и причиняет вред мирным гражданам. Главн. Штаб еще раз предупреждает, что подобные явления будут пресекаться в корне и виновные будут предаваться ответственности по законам военного революционного времени.

Без увольнительных билетов ни один солдат не должен оставлять своей части, кроме как только по делам службы.

Главный Штаб.

Всем учреждениям.

В виду того, что в типографии в настоящее время имеется слишком небольшой запас бумаги, а источников для изыскания таковой не предвидится, объявляем, что отныне будут печататься объявления только более важного характера, а не важные будут помещаться в газете „Соха и Молот“ в отделе хроники.

Редакция.

Революция, как единственный путь к освобождению.

Добьемся мы освобождения
Своею собственной рукою!

Обыватель, душа которого привыкла вкушать „хладный сон“, проснувшись от своей спячки, дрящется ровно 24 часа в сутки, и, оглянувшись вокруг, видит, как на всем земном шаре происходит смертельная схватка двух титанов мира — Капитала и Пролетария. Вздохнув сокрушенно, обыватель в ужасе шепчет: „Царица небесная! Человечеству, видно, приходит конец!... Видно, антихрист в мир пришел!“

Но мы, которых с самого детства не баловала злая мачеха — судьба, не согласимся с обывателем.... Действительно, в этой борьбе гибнет много людей, и убийство, как убийство, как отнятие чужой жизни — само по себе явление ужасное, ибо кто дал право человеку отнимать жизнь подобного ему существа?... Но когда дело идет не об отдельном экземпляре, а о благополучии всего человечества — жалеть не приходится, и всякие сантиментальности, свойственные духу мешанства, неуместны. Народ возстал для того, чтобы в кровавой бане разбить, наконец, цепи, которыми он, подобно Прометею, прикован к скале-Неволе Зевсом-Капиталом. На протяжении тысячелетий борьба за волю приходит красной нитью по страницам исто-

рии. Сколько жертв принесло человечество в этой борьбе — никому не перечесть!

И теперь, когда на всем шаре, именуемом Землей, разразилась небывалая в истории борьба, когда тот, кто сносил цепи рабства тысячи лет, — возстал во всю свою неизмеримую величину и смело, открыто и громко заявил своему господину: „Довольно рабства! Я такой же человек, как и ты!“ — в это время все, кто сохранил лучшие порывы в своем сердце, в ком не уснула честь, кто не желает больше пресмыкаться пред владыками, — тот скажет в противовес погрязшему в болоте мешанства обывателю: „Нет, это не антихрист идет в мир, это идет свободный и сильный Человек (с заглавной буквы)!...“ Он создаст новый мир и твердой ногой вступит в него.

И путь к тому миру единственный — эта революция, беспощадная борьба, ибо силу можно сокрушить только противодействующей ей силой. Иначе сбросить гнет капитала невозможно... Каким другим путем человечество может завоевать себе освобождение? Убедить буржуазию отказаться от своего владычества? Это бесполезно, ибо буржуазия так любит своего бога (к а п и т а л), что н и к о г д а не даст ему умереть раньше себя...

Не сопротивляться злumu, т. е. делать так, как учил Христос? Наверяд ли из этого выйдет что-либо хорошее. Мы видим, что учение Христа, это поистине великое учение, ничего не дало человечеству хорошего, кроме дурного, за все время своего существования. Извратив учение Христа своими догмами, владыки держали свои грязные дела, якобы, на законном основании. Прикрываясь именем Иисуса, они водили людей на эшафот и костры, бросали в грязные и душные казематы и держали тысячи рабов, которых заставляли работать на себя так же, как это делали и язычники. Таким образом, учение Великого страдальца за идею послужило новым средством для закабаления одних другими, не смотря на то, что сам Глашатай этого учения запрещал насилие человека над человеком.

Повторяю, только революция может привести человечество к освобождению.

Некоторые, особенно из семьи Обломовых, смотря на революцию нашего времени, видят в ней только плохое... Они обращают внимание лишь на отдельные мало имеющие значения факты и, сокрушенно покачивая головами, твердят: „Ничего из этой революции не выйдет! Ужас!“ Таким людям я должен сказать, что они дальше своего носа ничего не видят и имеют весьма ограниченный горизонт умственного кругозора.

Мы видим, что во время революции, как и во время всякой вооруженной борьбы, происходит разрушение созданных физической силой человека произведений...

Но революция, разрушая эти произведения, перерождает человека духовно, делает его свободным, вытравливает из его души разные предрассудки, впитанные им в себя с молоком матери.

Возьмем для примера нашу революцию. Что до нея представлял из себя наш мужик? — Темного, забитого нуждой и начальством хлебороба, который ходил каждый праздник в церковь, где ставил пред иконами свечи и где попы призывали его повиноваться „властям предержащим“, и который при виде светлых цуговиц и кокарды снимал за полверсты фуражку.

Но вот грянула революция — и совершенно переварила в себе нашего крестьянина. Он увидел, что тех, пред которыми он рылопетствовал, можно турнуть в шею, что не они, а он должен являться господином положения, что попы обманывали его, обещая получить за все страдания награду где то в загробном мире: что то отечество, любить и защищать которое его призывали, представляет из себя, средство посредством которого правящие классы гнали его на убой...

И когда появились снова авантюристы, которые, прикрываясь красивыми словами, вроде „вера“, „возрождение отечества“ „правопорядок“ и т. п. хотели снова набросить на него намордник, то он сказал им прямо в глаза: „Руки прочь!“ и вооружившись, возстал. И это возстание эту лавину ничто не в силах сдержать...

Она двигается все дальше и дальше, разрастаясь до небывалых размеров, — и недалек тот момент, когда она на своем пути сокрушит весь старый отживший капиталистический строй, который, как дряхлый старик еле — еле держится на ногах и все — таки старается поставить преграду на пути движения этой лавины...

Напрасны твои усилия старина! Пожия — и довольно. Время уступить место другому более сильному и молодому.

Андрей.

Сибирское крестьянство.

Распущенные Советом Народных Комиссаров с фронта по домам, сибирские крестьяне чувствовали себя господами положения и по своему понимали завоеванную „слободу“ и Советскую власть. Это, мол, наша власть, и она не должна затрагивать наши карманы, и нам все позволено. Лозунг „власть на местах“ как нельзя лучше был понят нашими крестьянами, только наизнанку. Не признавали никакого руководящего центра, а делали все по своему на местах. В первое время после демобилизации почти все крестьяне считали себя „большевиками“. Когда же

Советы только слегка коснулись карманов крестьянства, то как молотком кто выбил „большевизм“ — все окрысились и стали в враждебную позицию к Советам. Подогреты провокационными слухами, распространяемыми офицерами, чиновниками, учителями и другими „культурными господами“, крестьяне объявили войну Советам. Иначе говоря, у крестьян был „карманный большевизм“ — постольку, поскольку не касалось их кармана. Но как только чуть тронули крестьян, как они уже заорали: „долой Советы!“ Вероятно, по привычке, которую усвоили за бурное время митингов, когда неуголному оратору кричали: „долой, долой!“

Имея такую хорошую почву, основанную на темноте крестьянства, буржуазия при помощи чехо-словаков выступила против ненавистных ей Советов. Считая Советов своими врагами, крестьянство сыграло весьма большую роль в падении Советской власти в Сибири. Некоторые уезды крестьяне активно возставали с дубинками в руках против Советов, например, Минусинский уезд. В районе магистрали жел. дор. крестьяне, после поражения красных, исключительно занимались охотой за „грабителями“, думая, что творят святое или полезное дело и, с сияющей физиономией, представляли пойманных белогвардейцам, за что получали „царское спасибо“.

Сез на трон и имея под руками солидную силу, буржуазия взялась и за своих прежних друзей — крестьянство. Озлобленная и кипит мстостью к Советам за „контрибуции“, она всей тяжестью обрушилась на деревню и немедленно потребовала уплаты всех недоимок и податей за прошедший 17 и шедший 18 года.

Чтобы вывести „грабителей и бандитов“, буржуазия схватывала всякого по первому доносу и, натешившись вдоволь, садил в тюрьму или разстреливала. Достаточно было одного доноса „тильного мира сего“, как немедленно арестовывали и вели на „сборню“ попрашивать. Что это был за „допрос“, пусть скажут сами крестьяне, которые только благодаря ему почувствовали на собственной шуре господство буржуазии.

Через пять месяцев то крестьянство, которое шло с дубинками свергать Советов и которое помогло в этом буржуазии, это крестьянство, испытав „доброе“ времена сторонников „государственного порядка и общественного спокойствия“ с такими же дубинками поднялось убивать буржуазию.

Получивши в прошлом году из рук самого крестьянства орудия, пулеметы, винтовки и патроны, буржуазия направила их против своих старых друзей „бунтовщиков и бандитов“ и разбила неорганизованный возстанья кр-н Мариинского уезда, Томской губ. и Минусинского уезда, Енисейской губ.

Но нагайка и железо не могли подавить крестьянские возстания, появляющиеся как головы того зверя, с которым дрался богатырь Илья Муромец: отрубит одну — появляются две, отрубит две — появляются четыре и т. д., пока, по преданию, сам Илья Муромец не умер от усталости. Подавит буржуазия одно возстание, смотришь — вспыхнуло еще в двух, трех местах или уездах.

Из числа организованных возстаний можно назвать возстания кр-н Красноярского, Канского и Ачинского уездов, плоды которых мы видим и пожинаем в гор. Минусинске.

И вот т. крестьяне! Советская власть, как власть всего трудового народа, дает ему все права, но и требует от каждого трудящегося известных обязанностей, которые должны безпрекословно исполнять, иначе не миновать нам „Чкаловских нагаек и шмаглов“. Буржуазия же не дает

нам, как это было, никаких прав, а наоборот, потребует все обязанности, или будет стричь шерсть столько раз, сколько ей угодно.

Г. Вредный.

Записки заключенного.

Арестовали меня на квартире ночью группа из офицеров, чело словаков и солдат численностью до 10 чел.

Как много охотников на одного зверя?! До экспедиционного вагона вели солдаты, из которых один здоровенный парнишка новобранец после каждого крепкого словечка приговаривал: „большевик, народ мутишь!“ Затем следовали по „достоинству воздаяния“ удары прикладом. В экспедиционном вагоне находились два арестованных на ст. „Ачинск“ Томской жел. дор. офицера в чине прапорщиков.

Скоро пришли и офицера. Оказывается они были, что называется, в „дым“ пьяные. Один из них в чине капитана взволнованно бормотал: «ну счастливица, а то бы всыпали ей горячих.» При слове «ей» я насторожился.

—„Да оставь пожалуйста,“ говорит другой поручик: «ведь она интеллигентка, учительница!»

—„Да черт с ней, кто бы она ни была,“ а раз большевичка, значит пори, бей, раз стреливай!»

„А с этой сволочью“, указывая на меня: «мы справимся!»

Я, действительно, подумал, что «расправятся» и что настал капут.

Через полчаса вагон тронулся и нас повезли в гор. Красноярск, куда и прибыли к утру. Под сильным конвоем отвели к чешскому коменданту ст. «Красноярск». Прождав несколько минут, выходит сам комендант, который на ломаном русском языке произносит: „ешли будете рашговаривать, то пошле первого раза вшипем пятьдесят, а пошле второго рашгряем“. Получивши такое приказание, нас отвели в казарму чехо-словаков и посадили в угол.

Утром чехо-словаки пили чай с бутербротом (хлеб с маслом), что называется, вдоволь. В полдень они сели обедать. Каждый имел медный котелок, в который в кухне наливали супу. После супу ели рисовую кашу. И, наконец, каждый чехо-словак получает бутылку пива и, развалившись на стуле с сигаретой в руках, распивает ее. Меня такой роскошный стол так удивил, что, протерши платком глаза, я поневоле вытарашил.. Уж не галлюцинация ли (обман) зрения?..

Я служил месяца два в полку цензовиков „Особого Назначения“, где нас кормили совсем не так. В котелок на троих, а не на одного, как у чехо-словаков, наливали супу, после чего полкотелка гречневой (а не рисовой) каши. Про пиво и сигареты и помину не было.

Вероятно, для наших буржуа чехо-словаки были дороже своих молодых „возрожденцев отечества“.

После обеда привели прилично со вкусом одетого господина Грищенко по профессии машиниста. Арест его поразил меня, так как он активно помогал свержению Советской власти.

Вечером вызвали на допрос или суд, не знаю только, как назвать его. Вхожу в комнату и что же вижу?..

Бывший мой оппонент, не знаю, член партии правых соц. рев. или только сочувствовавший им, Заяц, сидит в качестве судьи. И этот господин, проповедовавший правые социалистические идеи, сел судить по законам Колчака!

Составили подробный протокол на двух страницах о моей разрушительной деятельности для возрождения отечества, отказываться от чего я не мог, так как улика на лицо. После этого в казарме объявили, что нас всех поведут в тюрьму.

Вероятно, представление о тюрьме, куда Грищенко сажал большевиков, заставило его прослезиться, и он навзрыд заревел: „Ведь я большой!.. Нервный!.. Не выдержу!.. Отведите меня к доктору!.. И за что же это?..“

Окружавшие чехо-словаки только пожимали плечами.

Всю дорогу для чего то Грищенко держал платок около глаз и носа. Вероятно, крокодиловы слезы не давали ему покоя.

Часов в 10 вечера привели нас в контору тюрьмы, где произвели тщательный обыск, измерили рост, записали приметы и назначили в 6 корридор. Пройдя три двери с солидными замками, наконец, попали в назначенный корридор. При нашем входе шум прекратился и все кинулись к решетчатым железным дверям посмотреть на новеньких. Войдя в пустую, холодную камеру № 1, наш возродитель отечества Грищенко кинулся на нары, и, как плакальщица на похоронах, заревел благим матом. Дежурный по корридору оказался мой знакомый, служивший во время Советской власти милиционером и за это сидевший недели две в тюрьме. Как знакомый, он рассказал нам о порядках в тюрьме, об администрации, и кое о чем другом. Вскоре прибегает мой товарищ по партии и по несчастью приносит калачей, булки— все что собрал от передачи в своей камере, думая, что мы пришли голодные. От него узнал, что наши товарищи, которым я думал поставить крест, сидят здесь в тюрьме, что ни мало меня обрадовало.

На следующий день рано утром слышим сначала звонок, затем протяжный свисток и приближающиеся к нашей камере шаги нескольких человек. Отворяется наша решетка и входит надзиратель с книгой, и комендант тюрьмы чех—старший унтер—офицер Клан с длинной палкой.

Я несколько смутился, думая, что сейчас возьмут в „работу“.

Вытарашив глаза на вошедших, мы остановились в том положении, в котором нас застали.

Грозно сверкнув глазами, комендант обратился к надзирателю: „это што такое?“

—„Да это новенькие“, отвечает надзиратель.

«Ну шмотрите, чтобы в шледующий раз пошле швоика выштраивались в шеренгу для поверки. Кто не будет шполнять, то шмотр!»

И он потряс в воздухе палкой. Поняв в чем дело, мы, толкая друг друга, кое как выстроились и надзиратель нас пересчитал.

Странный вид у этого Клана. Глаза бегающие, как у жулика, который каждую минуту смотрит чтонибудь стянуть; рука держит нагайку, почему то дрожит. Когда говорит или вернее, кричит, то глаза не смотрят на человека, а бегают по сторонам и думаешь вот, вот, чтонибудь неприятное да сделает.

После поверки отворили все камеры—«оправляться», получать хлеб и кипяток. В этом коридоре я нашел много знакомых партийных товарищей. Оказываются, в камерах набито, как сельдей в бочке, по 17-20-22 челов., так что, если всем спать на нарах, придется на целую ночь пожервовать какой-либо бок, так как, ввиду наибольшего уплетнения, повернуться нельзя. Всего, по словам знакомых, в тюрьме сидит около тысячи человек, в пересыльной части около 500 чел. и в женской около 40 чел. Только в нашей камере, считавшейся самой холодной, сидело нас 5 человек новеньких.

Принесли черный, как будто несейанный, сырой хлеб. Таким сырым хлебом кормили

в Романовское время солдат, когда возьмешь кусочек и бросишь в стену и, обладая каким то свойством, хлеб прилипает к ней.

В девять час. предложили прогуляться полчаса на дворе тюрьмы и мы все, имея кое-какую одежку, с радостью вышли. Прежде всего меня поразило небольшое количество гуляющих. Оказывается, итальянцы, которые несут караульную службу на дворе тюрьмы, после приказа об отобрании всего казенного имущества постарались отнять все, оставив только одно нижнее белье, так как большинство сидевших были комиссары, красноармейцы, имевшие солдатское обмундирование. Ввиду этого громадное большинство заключенных, не имевших никакой одежды, было обречено на постоянное сидение в камерах без прогулки на свежем воздухе.

На прогулке я встретил партийных товарищей, сидящих в одиночках 7 го корридора. По их словам, в одиночках сидят 4-5-6 чел. Это значит, устроены нары по обеим сторонам одиночки и оставлен проход только для одного человека, так что, если один вздумает прогуляться, то остальные должны лежать, а не сидеть, на нарах, а то ноги помешают гуляющему. Хотя эта роскошь еще больше стеснительна в камерах.

При встрече со знакомыми меня каждый недоброумно спрашивал: «Ну как, здорово!»

—«Да ничего», отвечаешь ему, потому что не понимаешь вопроса.

—„А мне досталось, да еще как! Месяца полтора лежал в тюремном околке“. И почти каждый повторял тоже.

Иван Староверов, бывший член исполкома Томской жел. дор., получил от казначья офицера несколько ударов нагайкой только за то, что нашли при обыске и аресте на квартире фотографическую карточку Н. Ленина.

(Продолжение следует).

Г. Вредный.

Дитя свободы.

—„Ты куда, родимый, собрался сынок,

Погулять к ребятам видно на лужок?»

Иль задумая к тете, навестить ее?

Ну иди же с Богом дитячко мое.“

Так подростка сына спрашивала мать,

Но сказав он строго:—Я нейду гулять,

Не ребячьи думы в голове моей,

Не собираюсь к тете я итти своей.

Внемлю я призыву волевого труда,

Где борьба за волю, я пойду туда,

Там на поле брани с честью по-

стоять-там в бою священном силу испы-

тать.

Ты о том не думай, что погибну я,

Я умру, другие придут сыновья,

И тебе помогут; братья мы—весь мир..

Лозунг наш: „свобода, равенство и мир.“

Обняла героя, горько плача мать

И не может взора с него оторвать;

Боль, подобно камню, давит ее

грудь—

Жаль малютку сына, страшен его

путь.

Но дитя свободы непреклонен был
И в минуты горя мужество хранил.
И спокойно молил: „Мама, не
грусти.
Дай благословенье и пока прости!“

Что это за праздник? что это за
день?..

Люди в новых платьях, а на лицах
тень.

Что они толпятся возле хаты той?
Говорят, что чудо-богатырь—герой
Маленький, отважный снарядился
в бой.

Устлан путь цветами, весь в цветах
борец;

Плакали о юном тысячи сердец,
Тысячи крестили путь его святой.
Тысячи молились о душе молодой.
Долго мать глядела в путь ему с
тоской,

Но борец—ребенок скрылся за го-
рой.

Г. Рагозин.

Песня труда.

Наша песня трудовая
И могуча, и сильна,
Сила в ней кипит живая,
Как свободная волна.
Где царил жуть ночная,
Песня там теперь звучит,
Песня бодрая, живая,
Песня море, песня—щит.
Не мираж, не сон красивый
Видим мы перед собой....
Так прислушайтесь к счастливой
Этой песне трудовой!..
В ней услышите вы новый
Призывающий напев:
Радость битвы, вихрь грозный,
Знания нового посев.
Наша песня трудовая
И могуча, и сильна,
Сила в ней кипит живая,
Как свободная волна.

Рабочий.

Темные слухи.

Злонамеренными людьми распространяются по
городу слухи, что казаков, перешедших к нам и
сдавших оружие, Крестьянская Армия казнит.

Я понимаю, чего хотят люди, распускающие
подобные слухи... Они хотят подорвать автори-
тет Крестьянской Армии, но это им не удастся,
так как за 10 месяцев борьбы в Крестьянской
Армии не было ни одного случая, чтобы она не
только, что казнила, а даже лишала свободы,
перешедших к нам и сдавших оружие. Были слу-
чай перехода и офицеров, и они совершенно
свободны, а один из них пожелал вступить в
наши ряды (Фалимонов) и работал в нашей
Армии.

Крестьянская Армия никогда не отступит от
своих демократических принципов.

Казаки, перешедшие к нам и сдавшие оружие,
отпущены по домам.

В. Ш.

Протокол

Соединенного заседания Армейского Совета
Крестьянской Армии, представителей полковых
Советов и командиров частей совместно с Чле-
нами Главного Штаба 4-го октября 1919 г.

На собрании присутствуют 46 человек. Пред-
седательствует тов. Сургуладзе. Секретарь тов.
Грюнберг.

Для обсуждения помечены следующие вопросы:
1. О перевыборах Армейского Совета, Главного
Штаба и всего командного состава. 2. Заявле-
ние тов. Кравченко о сложении полномочий
главнокомандующего Крестьянской Армии. 3. О
неправильном сформировании Минусинского пол-
ка. 4. О спиртных напитках. 5. Текущие дела:
конфискация и реквизиция.

По всестороннему обсуждении вопросов собра-
нием приняты следующие постановления:

1. Срочно принять меры для перевыбора Армей-
ского Совета, Главного Штаба и всего команд-
ного состава Крестьянской Армии.

2. Вопрос этот свят с очереди.

3. Передать на усмотрение Главного Штаба.

1. Выдачу водки прекратить. Выдачу спирта для
лекарственных целей, как военного, так и част-
ных лазаретов и аптек производить по требова-
нию врачей в определенном количестве, для
чего известное количество спирта из склада
перевести в другое помещение по указанию ко-
миссии.

Склад запечатать. В это же место передать
со склада необходимое количество дефуриро-
ванного спирта и выдачу такового возложить
на Городской Совет с применением карточных
систем.

5. Все выданные мандаты по 4 октября считать
недействительными, а в экстренных случаях манд-
аты выдавать призывному Армейского Совета за
его ответственностью.

Председатель Сургуладзе.

Секретарь П. Грюнберг.

Вести с фронта.

5 октября. Около дер. Комарковой по-
явился катер с несколькими белыми. На-
ши открыли по нему огонь и скоро заста-
вили пристать его к берегу. Причалив к
берегу, белые пустились бежать, оставив
в наши руки катер, несколько штук нага-
нов, винтовки, патроны и обмундирование.
На остальном фронте пока все спокой-
но.

ХРОНИКА.

Полковое собрание. 30-го сентября
состоялось полковое собрание Минусинско-
го полка. Докладчицей по текущему момен-
ту выступает член редакционно-агитаци-
онного отдела, тов. Т. Петрова, которая
в своей речи изложила историю револю-
ционной борьбы и цели и задачи револю-
ции, а так же значение крестьянского
возстания в Канском, Красноярском, Ачин-
ском и Минусинском уездах. Высказыва-
ется так же ряд других ораторов, останав-
ливаясь на отдельных эпизодах из исто-
рии революции и призывая в настоящее
время бороться с реакционными потугами
буржуазии, возглавляемой Колчаком. Соб-
рание постановило принять доклад и све-
дению. В дальнейшем собрание переходит
к разрешению вопросов организационного
характера. Принят устав товарищеской

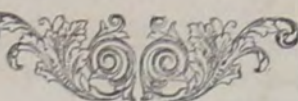
дисциплины, произведены выборы полко-
вого совета и командного состава. Поста-
новлено вести энергичную борьбу с пьян-
ством и употребление спиртных напитков
на занимаемой Крестьянской Армией тер-
ритории не допускать.

Благодарность. Новотроицким сельским
обществом Мало-Минусинской волости по-
жертвовано в пользу Крестьянской Армии
550 возов зеленого овса, 10 возов пече-
ного хлеба, 1 пуд свиного сала, 500 шт.
яиц и 2 горшка сметаны.

Отмечая этот факт, как выражение со-
чувственного отношения со стороны наз-
ванного общества к Крестьянской Армии,
Редакция от лица Армии шлет всем жер-
твователям свое товарищеское спасибо.

Товарищи и Граждане. Городской
Совет Рабочих Депутатов предлагает
Профессиональным Союзам, не приславшим
своих представителей в Городской Совет
прислать таковых. Неорганизованным ор-
ганизоваться и прислать своих представ-
телей.

Призывной Город Совета

Редактор—издатель

Редакционный отдел Крестьянской армии.

ОБЪЯВЛЕНИЯ.

В Минусинский городской хозяйственный от-
дел требуются рабочие для вывозки леса и пиля-
дров. За справками обращаться в хозяйственный
отдел. (Михайловская ул. здание бывшей горо-
дской управы). 1—2

Продовольственный отдел города Минусинска
поставил производить выдачу продуктов, ка-
кие имеются в настоящее время в наличности.
Выдача продуктов будет производиться по пове-
дельникам, средам и пятницам. В доме Мансу-
рова от 9 ч. утра до 1 час. дня. Документы
на право получения продуктов будут выдаваться
в вышесказанные дни и часы, в гор. Управе
Продовольств. отдел.

С сегодняшнего дня откры-
вается типография

„Т-ва Сотрудник“

по этому Редакционный отдел пред-
лагает всем Армейским и общест-
венным учреждениям всю мелкую
типографскую работу, как то: ин-
струкции, бланки и т. п., сдавать в
эту типографию.

Редакционный Отдел.